

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Традиционная культура Древней Скандинавии, насколько ее можно реконструировать из письменных источников и археологических данных, определялась преимущественно традиционным характером общества родичей и была ярко окрашена дружинной культурой.

Представляется, что древнеисландское общество состояло из патрилокальных расширенных семей, отношения между которыми регулировали обычаи кровной мести, выплаты возмещения за убитого пострадавшему родовому коллективу, а также передачи на воспитание ребенка в качестве заложника-аманата и брака (последние обычаи рассмотрены в моей книге «Культура и общество скандинавов эпохи викингов» [Губанов 2004]). Чтобы отношения кровной вражды не создавали атмосферу тотального кровавого хаоса, войны всех против всех, существовало народное собрание — тинг, собрание правоспособных вооруженных мужчин, на котором принимались важнейшие для общества решения, в частности урегулировались конфликты между враждующими родовыми коллективами. Несмотря на то что, как видим, судебной процедуре на тинге придавалось очень большое значение, нередко здесь же происходили битвы враждебных родовых коллективов. Обо всем этом подробно повествуют саги об исландцах.

На материале саг можно выявить характерные черты обычая кровной мести в древнеисландском обществе.

1. Мечь была первейшим, священным долгом древнескандинавского воина. Сакральный характер мести прекрасно иллюстрирует чудо с прозрением Амунди Слепого (гл. 106 «Саги о Ньяле»), которому Бог даровал зрение ради мести за отца.

2. Долг кровной мести имел приоритет над дружинным долгом, над необходимостью подчиняться приказам руководителя — вождя вооруженного отряда (убийство Стюром двух человек из своей и враждебной дружины в битве при Лебедином фьорде —

гл. 44 «Саги о людях с Песчаного берега»). Таким образом, традиции «горизонтального» общества родичей были сильнее власти военных вождей, позволяли даже игнорировать их приказы в битве, что говорит о слабости «протогосударственных» трендов в древнескандинавском обществе.

3. К мести в родовых сагах подстрекали, как правило, женщины. Подстрекательница к мести — основная роль женщины в сагах об исландцах (гл. 116 «Саги о Ньяле» — подстрекательство Хильдигуд). Вероятно, такое поведение женщин отражало социальную реальность. Женщина-подстрекательница была защищена законом, ей нельзя было мстить.

Полагаю, что у древних индоевропейцев в эпоху индоевропейского единства и существования структурированной родовой организации вопросы кровной вражды коллективов родичей урегулировались еще не в народном собрании, а посредством привлечения родов своей фратрии (нередко экзогамного подразделения племени, возникавшего вследствие разрастания и последующей сегментации исходных родов), как это убедительно показано у ирокезов с привлечением древнегреческого материала Л.Г. Морганом, который писал:

«Далее, если случалось убийство, род убитого обычно собирал совет и, установив факты, принимал меры к отмщению убитого. Род преступника точно так же собирал совет и старался достигнуть примирения или получить прощение со стороны рода убитого; но часто случалось, что род преступника, если убийца и убитый принадлежали к противоположным фратриям, приглашал другие роды своей фратрии общими усилиями добиться прощения. В таком случае фратрия собирала совет и обращалась затем к другой фратрии, к которой отправляла делегацию с поясом из белых раковин, прося устроить собрание фратрии и прийти к миролюбивому соглашению. Семье и роду убитого предлагалось удовлетворение в виде выражений сожаления и ценных подарков. Переговоры между обоими советами продолжались до тех пор, пока не приходили к какому-нибудь положительному или отрицательному решению. Влияние фратрии, состоящей из нескольких родов, должно было быть больше, чем одного рода, а благодаря призыву к участию противополож-

ной фратрии вероятность прощения увеличивалась, в особенности если имелись смягчающие обстоятельства. Мы можем видеть отсюда, как естественно греческая фратрия до наступления цивилизации приняла в свое ведение преимущественно, хотя и не исключительно, дела об убийстве, а равно об очищении убийцы, если он не подвергался наказанию; и точно так же на каком основании после учреждения политического общества фратрия взяла на себя обязанность преследования убийцы судом» [Морган 1934б: 12].

У древних скандинавов тяжбы велись в народном собрании. Исландские родовые саги позволяют в подробностях реконструировать порядок тяжбы на тинге, принятый в древнеисландском обществе.

1. Часто тяжущиеся коллективы родичей делегировали на тинге своих влиятельных союзников в коллегию третейских судей, состоящую из 12 человек (гл. 122–123 «Саги о Ньяле»). Коллегия двенадцати имела полномочия вынести судебное решение по делу.

2. Процедура ведения тяжбы на тинге между коллективом родичей убитого и коллективом родичей убийцы была тщательно регламентирована (гл. 142 «Саги о Ньяле»). Сначала истцом произносилась важнейшая формульная клятва, которую до христианизации произносили не на Библии, а на священном кольце вождя-жреца — на браслете годи. Потом дважды выступал представитель стороны истца, затем два свидетеля предъявления обвинения излагали дело словами истца. Вслед за этим предварительное решение по делу принимали т.н. «соседи места убийства», девять человек, которые прежде всего не должны были быть родственниками истца или зависимыми от стороны обвинения людьми. В противном случае сторона защиты могла потребовать отвода соседей. Окончательное решение принимали три дюжины судей, отвода которых тоже могли потребовать убийца, его родичи и сторонники, то есть сторона защиты (гл. 142–145 «Саги о Ньяле»).

3. Чаще всего на тинге присуждалась вира, которую должны были выплатить убийца и его родня (12 эйриров за раба-трэля, за свободного выкуп мог достигать нескольких сот эйриров, как за

Хёскульда в «Саге о Ньяле»). Если примирения враждующих коллективов родичей на таких условиях достичь не удавалось, убийца мог быть объявлен «лесным человеком», то есть изгнанником в лес, человеком вне закона, имущество коего конфисковывалось, а он сам мог быть убит родичами убитого (гл. 13 «Саги о Хравнкеле, годи Фрейра»).

Авторитетные исследователи склоняются к мнению, что феодальная структура была фактически навязана скандинавскому обществу государством в XI–XIII вв., в эпоху интенсивных контактов Скандинавии с феодальной континентальной Европой [Гуревич 2009: 364]. Иное дело Исландия. Изолированность острова от феодальной Европы, принятие христианства и письменности около 1000 г. и традиции народного самоуправления («военной демократии») при живучести структур традиционного общества родичей — это те факторы, которые породили такой феномен, как древнеисландская литература — неисчерпаемый источник по структуре общества, психологии и религиозным представлением древних германцев.

Правда, на исландском материале не прослеживается родовой организации, которая, по Л.Г. Моргану, составляла базис догосударственных обществ. Одалями в Исландии и Норвегии владели патрилокальные расширенные семьи из трех нисходящих поколений родичей, живущих под одной крышей, они же выступали главными субъектами права в делах о кровной мести. Следов более крупных коллективов родичей численностью в несколько сот человек со своими вождями — родов, которые Л.Г. Морган наблюдал у ирокезов и достаточно убедительно фиксировал у древних греков (со своими родовыми культами) и римлян (возглавляемых «отцами» — *patres*, составившими первоначальный Сенат — «совет старейшин») ранних периодов истории Вечного города, в Скандинавии эпохи викингов не наблюдается. Римский род, по Л.Г. Моргану, «характеризовался следующими правами, привилегиями и обязанностями. I. Взаимным правом наследования в имуществе умерших родичей. II. Владением общим кладбищем. III. Общими религиозными обрядами. IV. Обязанностью не

вступать в брак в пределах рода. V. Коллективным владением земель. VI. Взаимной обязанностью помощи, защиты и отмщения обид. VII. Правом носить родовое имя. VIII. Правом усыновлять в род чужих. IX. Правом избирать и смещать своих вождей» [Морган 1934а: 164]. Между тем о древности рода у индоевропейцев убедительно свидетельствует тот отмеченный Л.Г. Морганом факт, что обозначение рода в древнегреческом, латинском и санскрите идентично (лат. *gens*, др.-греч. *γένος*, санскр. *ganas*), то есть является наследием единого индоевропейского языка [Там же: 134]. Думается, распад индоевропейской родовой организации на более мелкие подразделения скандинавских патрилокальных расширенных семей определили права собственности на недвижимое имущество и хуторское хозяйство — одаль.

Ключевые элементы материальной культуры Скандинавии эпохи викингов — дом каркасно-столбовой конструкции, служащий жилищем патрилокальной расширенной семьи и пиршественным залом, а также прекрасно приспособленный как для морских, так и для речных экспедиций корабль.

Наличие архаичной эддической лексики в наименовании культовых предметов при описании в сагах дохристианского храма, главным образом эддического термина *hlaut* («доля»), свидетельствует об историчности описаний в сагах *блотвейцлы* («пира жертвенной крови») — главного культового действия древних скандинавов.

Эволюция древнескандинавских кораблей от универсального гокстадского типа к боевым малым узким *шнекам* народного ополчения и *лангскипам* конунгов-викингов и приближенной к ним знати, а также грузовым торговым *кноррам* хорошо прослеживается при комплексном сопоставлении археологических находок и письменных источников.